

УДК 811.161.1:82

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ

Вальтер Харри

Грайфсвальдский университет имени Эрнста Морица Арндта,

Грайфсвальд, Германия

Антипословицы-мифологизмы, как и другие паремии этого рода, создаются намеренным обыгрыванием внешней и внутренней формы традиционных пословиц и афоризмов. Их цель – опровергнуть устоявшиеся стереотипы, создавая смеховой эффект. Низвергая привычные ментальные и культурные клише до самого низшего, бытового уровня, антипословицы вместе с тем возвышают их до иного культурного уровня – уровня «смеховой культуры».

Ключевые слова: антипословица, трансформация, мифология, смеховая культура

Может показаться, что зеркало антипословиц – это зеркало кривое, в котором русские реалии отражаются в антиномном искажении – на то они и *антипословицы*. Известно, что даже сам термин *антипословица*, введённый в научный обиход американским паремиологом немецкого происхождения Вольфгангом Мидером [5], до сих пор понимается неоднозначно и вызывает острые дискуссии у любителей фольклора малого жанра. Когда мы издали словарь «Антипословицы русского народа» [2], реакция русских читателей была для нас настоящим сюрпризом. Во-первых, словарь имел неожиданный для нас коммерческий успех: за пять лет его переиздали уже шесть раз. При тираже 4 000 экземпляров и известном кризисе книжного дела в России это было знаком особой востребованности самого жанра. Во-вторых, в рецензиях на наш словарь и в выступлениях на многих конференциях, симпозиумах и семинарах мы нашли и до сих пор находим крайне противоречивые оценки. Оценки не самого словаря – он востребован не только широким читателем, но и нашими собратями-филологами: не случайно на его материале написано уже 6 диссертаций. Оценки и споры ведутся в основном о самом термине *антипословица*. Предложенные нашими оппонентами эквиваленты термину *антипословица* при этом не кажутся нам удачными – напр., *трансформации* (или *трансформы*) *пословиц*, *индивидуально-авторские преобразования*, *переделки*, *кукеризмы* и т. д. За каждым таким предлагаемым нашими оппонентами термином тянутся шлейфы более широкого или более узкого языкового пространства, чем тот объект, который нас интересует. Но самое главное – ведь ни один современный термин не соответствует полностью его этимологическому значению, отсюда и традиционные споры о синонимии и вариантности, омонимии и полисемии, метафоре и метонимии и т. д. Термин обычно условен, «арбитражен» (Ф. Де Соссюр) и главное в его употреблении – чтобы те, кто его принимает в определённом толковании, использовали его в своих исследованиях и словарях в точном соответствии с принятой дефиницией. Важны и чисто практические соображения: при определённой размытости границ «чистых» пословиц и других паремий

лексикограф нередко вынужден «поступаться теоретическими принципами», принятыми ими теоретическими.

В Симферополь я привез доклад именно на «антипословичную» тему. И это не случайно: Ваш замечательный университет собирает под своё крыло знающих лингвистов – специалистов по исследованию всех уровней языковой системы. И мне весьма важна реакция на анализ каждого очередного аспекта антипословиц, который мы предлагаем. Сегодня хочу обратить внимание на 2 собственно лингвистических, – точнее – социолингвистических аспекта изучения антипословиц.

Первый аспект имеет лингводидактическую и культурологическую направленность. До сих пор в России, как известно, нет справочника о средней «культурной грамотности», в котором читателям бы предлагался хотя бы минимум тех знаний, которые отличают образованного человека от необразованного. А справочники такого рода в мире есть. Достаточно упомянуть американский словарь „Cultural Literacy. What every American needs to know“ [5], где можно найти именно усреднённые данные по разным отраслям знания, – в том числе и по гуманитарным. В Германии вышла книга под названием „Die deutsche Seele“ [4] – «Немецкая душа». Справочник составлялся группой специалистов, проводивших объективные социологические опросы населения и потому действительно является зеркалом средней образованности немцев. Что же такое средняя образованность современного русского человека, мы так и не знаем, что вполне вписывается в наши представления о «загадочной русской душе».

Можно ли хотя бы приблизительно очертить круг общеобразовательных знаний, которыми реально обладает современный русский школьник или студент? Ведь школьные и вузовские программы уже давно ушли от той унификации, к которой мы привыкли в советские времена, масса экспериментальных программ и учебников, специализированных школ, лицеев и доморощенных университетов размыли саму идею ОБЩЕГО обязательного образования.

Ответить на этот вопрос действительно нелегко. Определить среднестатистическую зону общеобразовательной информации, какой-либо её объективный обязательный минимум столь же сложно, как и создать единый для всех иностранцев учебник «Русский язык для всех». И тем не менее, стремиться к познанию этой новой ситуации на нашем общеобразовательном поле, как кажется, необходимо.

Специальный источниковедческий анализ антипословиц потребовал особой филологической работы по выявлению интертекстом из русской литературы и других источников, представляющих собою основу общеобразовательного минимума любого интеллигентного человека. Накопленная база данных давала нам достаточно надёжную основу для соизмерения максимума культурологической информации по русским интертекстам литературного происхождения с тем её минимумом, который попал «в сети» Интернета и современную русскую речь. И жанр антипословиц оказался именно той «живой языковой массой», тем «кипящим котлом», в котором популярные цитаты из обязательной школьной программы выплывают на поверхность, чтобы кристаллизироваться в шуточные

переделки. Уже сам выбор таких цитат и шутивное их обыгрывание является, по нашему мнению, достаточно надёжным свидетельством того, что такие лингвокультурогемы востребованы современной русской речью – особенно речью молодёжи.

Так, русская народная сказка «Репка», являющаяся в некотором роде символом русского коллективизма [1, I, с. 301] приобретает в зеркале антипословиц либо чисто эвфоническую шутиливость (*Посадил дед рыбку...*), либо – прямолинейно криминальный окрас:

Посадил дед репку. Дед отсидел, вышел и замочил деда. [2, с. 123].

Другая популярная сказка – о Лисе и Волке, в которой Лиса советует Волку опустить хвост в прорубь и ловить рыбу, повторяя фразу *Ловись, рыбка, большая и маленькая* точно повторяет эти два типичных способа обыгрывания известного сюжета [2, с. 421].

Эвфоническая антифраза *Давись, рыбка, большая и маленькая* – невинная попытка достаточно безобидного каламбура.

Фраза же *Ловись, скидка, большая и маленькая* уже содержит в себе достаточно значимую социальную иронию в адрес современных торговцев, привлекающих покупателей ложной рекламой.

Третья же переделка этого фольклоризма, широко тиражируемая русским интернетом вот уже 10 лет, – весьма точный слепок процесса вульгаризации, обрушившегося на современно общество:

Ложись, девка, [и] большая и маленькая!

В том же вульгаризаторском ключе обыгрываются и такие символы русского традиционного фольклора, как *Дед Мороз* и *Снегурочка*:

На безрыбье и Дед Мороз – Снегурочка. На халяву и Дед Мороз Снегурочка.

Любопытно, что один из наиболее популярных и однозначно негативных персонажей русских сказок – *баба-Яга* в призме антипословиц «осовременивается» не в вульгарном ключе, а – в компьютерно-техническом:

Жили-были баба-Яга, баба-VGA и баба-супер VGA...

В то же время почему-то «классическая» баба-Яга входит в антипословицы не непосредственно из сказок, а опосредованно – как персонаж известного мультфильма «А баба-Яга против!» о медвежонке Мише – символе Олимпиады-80, спешащим в Москву. По дороге его все приветствуют, и только баба Яга, создавая возможные препятствия, приговаривает: *А баба-Яга против!* [1, I, с. 38] – *Ельцин, как баба-Яга, всегда против.*

Нужно сказать, что процесс вульгаризации сказочных персонажей в призме антипословиц находит даже своё «идеологическое» обоснование в одном из антипословичных афоризмов:

В старых сказках всё кончается хорошо, в новых – былью. [2, с. 438].

Разумеется, в поле зрения авторов антипословиц попадает не только собственно русская, но и «классическая» европейская мифология. Так, известная латинская пословица *Quod licet Jovi, non licet bovi* – *Что позволено Юпитеру, то не позволено быку* обыгрывается как путём отрицания её исходного смысла, так и путём предельной ситуативной конкретизации:

Что не дозволено Юпитеру, то дозволено быку. Что не дозволено Юпитеру, то дозволено директору универсама Быкову. В прессе здесь сатирически обыгрывается один из компонентов латинской пословицы *Quod licet Jovi, non licet bovi* (ср. лат. *bos, bovis* – бык – Быков).

Не устояли перед процессом антипословишной вульгаризации и такие европейские мифологемы, как *ангел* и *Ангел-хранитель*:

Ангел – это пешеход, не успевший отскочить в сторону. Легко быть ангелом, если никто не взъерошивает твои перья. Чтобы сохранить ангельский характер, нужно ангельское терпение. Наши хранители не всегда ангелы. Если жена – ваш ангел-хранитель, значит, вы – вдовец.

Естественно, что и европейский «контрагент» ангела – *дьявол* тоже не ушёл из «зоны обстрела» антипословиц. При этом, правда, эта мифологема сохранила свою мифологическую семантику фактически в своей первоизданности:

Бог делает женщину прекрасной, а дьявол – хорошенькой.

Когда мы любим – мы ангелы. Когда нас любят – мы дьяволы.

Как видим, антипословицы достаточно точно отражают доминантные фрагменты языковой картины русского мифологического мира, становясь полезным подспорьем выявления средней «грамотности» в этом тематическом блоке нашей культуры. Такого рода информацию поэтому следует учитывать в процессе преподавания русского языка.

Второй аспект изучения и комментирования антипословиц также имеет и социолингвистическую, и лингводидактическую проекции. Известно, что паремиологи долго и упорно занимаются выявлением так называемого «паремиологического минимума». Поиски его были начаты московским ориенталистом-паремиологом Г. Л. Пермяковым. Заслуга ученого – в том, что он не только выдвинул заманчивую идею паремиологического минимума, но и предложил его конкретную разработку на русском материале в виде так называемого «паремиологического эксперимента», целью которого стало выявление «паремиологического фонда» (т. е. наиболее употребительных паремий) и «паремиологического минимума» (т. е. минимального состава паремий, известных говорящим). Группе информантов из Москвы и Московской области было предложено определить неизвестные им паремии из списка в 1494 единиц. После получения 300 ответов другая группа информантов (около 100 человек) оценивала известность тех 538 паремий, подобранных Г. Л. Пермяковым, которые на первом этапе эксперимента показали не менее 90% степени известности. По результатам эксперимента был выделен максимальный объём наиболее употребляемых паремий, не превышающий 500 единиц [3, с. 154–166]. Минимальное же их число определено московским паремиологом в объёме около 300 единиц и стало лексикографической основой для небольших практических словариков с эквивалентами из болгарского и немецкого языков.

Вслед за Г. Л. Пермяковым в Германии, США, Венгрии, Чехии и других странах делались и делаются попытки установить тот минимум пословиц и поговорок, который знает каждый носитель языка. Они показали, что эта простая на первый взгляд задача оказалась весьма сложной – прежде всего из-за

индивидуально обусловленной избирательности употребления пословиц как особых языковых единиц [7].

Продемонстрируем эту гипотезу конкретными примерами антипословиц, созданных на основе самой кардинальной мифологической оппозиции – «Бог» : «Чёрт». В современной паремиологии эта пара мифологем получила достаточно полное описание. Особенно тщательно разработана функциональная семантика этих двух мифологем. Так, для мифологемы *Бог* характерны такие функции, как одевающая, охраняющая, спасительная, креативная, благожелательная, карательная, провидческая и др. В антипословицах, стержнем которых является мифологема *Бог*, эти функции также остаются доминантными, хотя их экспрессивно-эмоциональная оценка становится иной – во многом вызывающе атеистической, доходящей до святотатства, бласфемии.

Таковы, например, антипословицы афористического типа:

Божья сила – это Божья масса умноженная на Божье ускорение. Даже веря в Бога, человек продолжает молиться на себя. Если хотите рассмеить Бога - расскажите ему о своих планах. Человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился. Когда ты говоришь с Богом, это молитва. Когда Бог с тобой – шизофрения. Бог видит всё, соседи – ещё больше.

В некоторых пословицах идея Бога по логике атеистического «отрицания отрицания» приравнивается к марксистской идеологии:

Бога нет. Карл Маркс. – Карла Маркса уже нет. Бог.

Отдельные антипословицы с компонентом *Бог* лишь слегка меняют функциональное направление соответствующих исходных пословиц, преобразуя при этом лишь стилистическую тональность. Ср.: *Дал Бог день – даст и пищу.*

В наше собрание попали и такие антипословицы, где идея Бога не опровергается, но его функция несколько опрощается, багательзуется:

Бог создал сон и тишину, а чёрт – подъём и старшину. Бог дал нам родственников. Слава Богу, друзей мы выбираем сами. Бог тоже любит юмор. Особенно прогноз погоды...

Какова же статистическая картина употребления пословиц такого рода в зеркале антипословичного творчества?

Она весьма показательна и, как кажется, отражает реальную частотность употребления соответствующих пословиц в современной русской речи, т. е. соответствует паремиологическому минимуму.

Первое место в таком «минимумном» рейтинге (21 антипословица) занимают переделки пословицы ***На Бога надейся, а сам не плошай:***

На дебаггер надейся, а сам ошибку в системе ищи. На академию надейся, но и сам не плошай. На Европу надейся, а кризис сам разруливай. На презик надейся, а сам не плошай.

На втором месте – вариации на тему пословицы ***Кто рано встаёт, тому Бог даёт:***

Кто очень рано встаёт, тому Бог много даёт. Кто рано встаёт, тот в депрессию впадёт. Кто раньше встаёт, к тому счастье не придёт. Кто раньше

встаёт, тот больше сожрёт. Кто рано ложится, у того поздно встает. У кого встает, тот стероиды не принимает.

Далее следуют употребительные, но уже не столь активно тиражируемые в форме антипословиц параллели:

Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт.

Заставь дурака Богу молиться – а сам не плошай. Заставь дурака Богу молиться – он и Богу готов лоб расшибить.

Бог-то Бог, да [и] сам не будь плох.

Бог-то Бог, но и сам лови блох.

Бог любит Троицу.

– Бог любит троицу! – Бог не дурак, любит пятак. Бог любит Троицу, а Бес – четвертинку.

Человек предполагает, а Бог располагает.

Прогноз предполагает, а Бог располагает.

Бог (Господь) не выдаст, свинья не съест.

Бог не выдаст, мужик не перекрестится.

Бережёного Бог бережёт.

Бережёного Бог бережёт, а небережёного конвой стережёт.

Полезный материал для выявления русского паремиологического минимума дают и антипословицы с мифологемой *чёрт*. Здесь абсолютным «рекордсменом» становится пословица *Не так страшен чёрт, как его малюют*, антипословичная продуктивность которой составляет 24 языковые единицы:

Не так страшен ЕГЭ, как его малюют. Не так страшен нудист, как его зануда. Не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж. Не так страшна измена, как её последствия. Не так страшен труд, как его оплата. Не так страшен футбол, как его фанаты. Не так страшен чёрт, как чёрт в юбке.

Сквозь призму этих переделок одной единственной паремии просматриваются самые разные аспекты российской жизни как в ретроспективе, так и в её самой актуальной реальности. Разумеется, все эти фрагменты языковой картины мира отражаются в зеркале антипословиц с разной степенью адекватности или, наоборот, – деформированности. Чаще всего – это мир, «вывернутый наизнанку» по законам смеховой культуры, выведенным М. М. Бахтиным. Нередко же – это уже обозначенные нами выше эвфонические каламбуры, порождённые случайным созвучием – например, старый паремиологический каламбур *Не так страшен чёрт, как его малютка (малютки)*, анекдотическое авторство которого приписывается «лицам кавказской национальности». Типичны в ряду приведённых антипословиц и контаминации – напр., скрещения известной пословицы с устойчивыми сравнительными оборотами: *Не так страшен чёрт, как чёрт в юбке; Не так страшен чёрт, как корова на льду.*

Другие русские антипословицы с мифологемой *чёрт* не развивают такой активности

Подводя итоги, можно отметить, что и анализируемый в нашем докладе фрагмент пословиц из словаря «Антипословицы русского народа» отражает общие закономерности образования и функционирования этого малого жанра фольклора.

Антипословицы-мифологизмы, как и другие паремии этого рода, создаются намеренным обыгрыванием внешней и внутренней формы традиционных пословиц и афоризмов. Общая цель антипословичного творчества – опровергнуть устоявшиеся стереотипы, создавая смеховой эффект. Низвергая привычные ментальные и культурные клише до самого низшего, бытового уровня, антипословицы вместе с тем возвышают их до иного культурного уровня – уровня «смеховой культуры». Пройдя через горнило «очищения смехом», традиционные стереотипы обретают новую жизнь, ещё глубже запечатлеваясь в национальной языковой памяти.

Список литературы

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа /Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 576 с.
3. Пермяков Г. Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке) / Г. Л. Пермяков. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.
4. Dorn T., Wagner R. Die deutsche Seele / T. Dorn, R Wagner. – München : Albrecht Knaus Verlag, 2011. – 560 s.
5. Hirsch E. D. Cultural Literacy. What every American needs to know / E. D. Hirsch. – N.-Y.: Vintage Books ed., 1988. – 272 p.
6. Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1998. – 396 s.
7. Mokienko V. Russisches parömiologisches Minimum: Theorie oder Praxis? (2012. в печати).

Вальтер Харрі. Міфологічні персонажі в російських антиприслів'ях / Харрі Вальтер // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 290–296.

Антиприслів'я-міфологізми, як і інші подібні паремії, створюються цілеспрямованим обігриванням зовнішньої та внутрішньої форм традиційних прислів'їв і афоризмів. Їх мета – спростувати усталені стереотипи, створюючи сміховий ефект. «Опускаючи» звичні ментальні й культурні кліше до найнижчого побутового рівня, антиприслів'я разом з тим підносять їх до іншого культурного рівня – рівня «смислової культури».

Ключові слова: антиприслів'я, трансформація, міфологія, сміхова культура.

Walter Harry. Mythologic Individuals in Russian Antiproverbs / Harry Walter // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 290–296.

The paper offers a detailed analysis of modern Russian antiproverbs including mythologic figures – deliberated and innovative variations of traditional proverbs and sayings by changing their exterior shape and their interior form. The aim is to reject tightened sapiences of proverbs and sayings by developing humorous effects. Existing mental and cultural overused cliches become derided up to the very bottom of peoples behaviour and their all day life. That makes antiproverbs a part of “laugh culture”.

Key words: antiproverb, transformation, mythology, culture of laughter.

Стаття надійшла до редакції 2 березня 2012 року